

Е. С. Струганова (Москва)

ЧЕЛОВЕК VS СТИХИИ
В ОБРЯДОВОМ ТЕКСТЕ МУСУЛЬМАНСКОГО СЕЛА ВИЕВО,
БОЛГАРИЯ*

В докладе мы представим коммуникацию в двух аспектах: прежде всего охарактеризуем конфессиональные и культурные диалоги на примере одного мусульманского села в Болгарии, а затем по записанным в нем материалам кратко опишем коммуникацию человека со стихиями (водой и огнем).

Село Виево находится в регионе Средние Родопы, в Смолянской области Республики Болгария (Терзиева, Узенева 2014: 307). В докладе приводятся собственные записи 2018 года.

На примере обозначенного села высвечивается сложная проблематика ислама в Болгарии: с одной стороны, люди, принадлежащие к разным конфессиям, сосуществуют мирно. С другой стороны, чувствуется определенная доля напряженности, обусловленная исторически: так, несколько информантов в одном селе в наших беседах подчеркивали, что они со всех сторон окружены христианами (в с. Виево), а в другом — мусульманами (в с. Славейно). В этих высказываниях есть ощущение собственной исключительности и попытки сдержать напор «чужой» культуры.

В Болгарии живут не только болгары-мусульмане, но и турки, также исповедующие ислам (Вагабова 2011), и первые оказываются в ситуации смешанной идентичности: с одной стороны, они этнически связаны с болгарами, но, с другой стороны, разделены с ними религиозно. Отсюда, как нам кажется, берет свое начало определенный диалог непосредственно внутри культуры села Виево. Людям хочется следовать традициям, хочется их сохранить, и они задают себе вопрос: а каким

* Статья написана в рамках проекта «Язык и культура в полиэтничных и поликонфессиональных сообществах Юго-Восточной Европы XXI века: междисциплинарное исследование» (Программа фундаментальных исследований Президиума РАН «Культурно-сложные сообщества: понимание и управление»).

именно традициям? В самом селе есть молельный дом, но ходят туда очень немногие. Жители села носят болгарские имена (после т.н. Возрожденного процесса и изменения турецких имен на болгарские) и соблюдают некоторые христианские традиции. Более подробно о болгарском исламе см. (Карамихова 2009).

Сами информанты отмечают, что для них между христианством и исламом нет особой разницы: *Та между мисл'уманската и християнската религия н'ема гуляма разлика, разбираш ли? Единия е Господ, другия — Аллах* («Между исламом и христианством нет большой разницы, понимаешь? Один Господь, другой — Аллах»).

В ответах информантов наибольшее внимание на себя обращают празднование Юрьева дня (*Гергьовден*), колебания информантов по поводу Пасхи (празднуют ли ее жители или нет), «Бабин» день, практики народного целительства, поклонение Богородице. В полевых данных (Терзиева, Узенева 2014: 319) в том же самом селе отрицали факт празднования дня народной акушерки (*Бабин ден*), в 2018 году мы записали следующее: *Пък са сбирахме ние на Бабинден, Сашка на събираши, та празнувахми. Обаче и та спря да на събира и така* («Мы собирались на «Бабин» день, Сашка нас собирала, и праздновали. Но и она перестала нас собирать, и вот так»).

А Пасху в рамках одного интервью перечислили в ряду традиционных праздников села, но потом, когда я задала уточняющие вопросы о праздновании, сказали, что это — христианский праздник и они его не празднуют, но уважают.

Интересно отметить и высказывание по поводу почитания Богородицы:

Но я например, ей там утдолу им'ех крави и има адин, такова параклисче. Вътре е Св. Богородичка и там запал'вах св'еицица, помол'вах са на н'ее и хи викам: «Миличка, Св. Богородчко <...>. Викам, давай хубаву на сички и чувай, и на сека майка и сека жена да стани майка, както тебе и да види какво ѝ е детенцету милу.» <...> Св. Богородичка, и аз много я обич'ам. («Но у меня, например, вон там внизу были коровы, и там есть часовенка. Внутри Св. Богородица, и там я ставила свечу, молилась ей и говорю: «Милая Св. Богородица. <...> Говорю, давай хорошее всем и оберегай, и каждой матери и каждой женщине, которая станет матерью, как ты, и чтобы она увидела, какой у нее милый ребеночек» <...> Святая Богородица, и я очень ее люблю».)

Таким образом, можно наблюдать неустойчивую позицию жителей по поводу некоторых праздников, а также диалог между религиями внутри

одной традиции, что соответствует отмеченному многими исследователями «балканскому религиозному синкретизму» (Трофимова 2012; 2014).

В коммуникативном поле *человек vs стихия* в ходе полевой работы удалось зафиксировать не все представления, свойственные народной культуре Болгарии в целом, и мы будем следовать за записанным в селе Виево материалом.

Так, вода имеет ряд характеристик (на общеболгарском материале): чистая (болг. *чиста*), крещеная (болг. *кръстосала*), целебная (болг. *лековита*), «молчаливая», или немая (болг. *мълчана*), непочатая (болг. *неначната*), цветочная (болг. *цветкова*), переночевавшая под звездами (болг. *престояла под звездите*), свежая (болг. *свежа*), прозрачная (болг. *бистра*), быстрая (болг. *бърза*), очищающая (болг. *очистваща*), проточная (болг. *течаща*), мутная (болг. *мътна*), старая (болг. *стара*), мертвая (болг. *мъртва*, *мъртвешка*), вредоносная (болг. *вредоносна*).

Мертвой называют воду после обмывания покойника. Информантки отмечают:

Водата — те напреж пазеха, <...> защото от една вода като вземеш и префърнеш човекън, цял живот мъртв'ея («Воду — раньше ее хранили, потому что, если взять такой воды и побрызгать человека, вся жизнь „мертвеет“»).

То есть человек мертвеет, как вода, которой его обрызгали. Свойства воды распространяются и на человека, который с ней соприкасается, поэтому обычно следят, чтобы никто не налил себе мертвой воды. От такого проклятья невозможно излечиться: [Ходжа говорит женщине, которая к нему пришла:] *Женице, нема да оздрав'еши, защото близък човек е умр'ел и от водана са мъртва зели и та са префълели да мъртвееши, да си болна вс'е* («Женщина, ты не выздоровеешь, потому что близкий человек умер, и взяли мертвой воды, да тебя побрызгали, чтобы ты „мертвела“, чтобы ты всё больной была»).

Вода может впитать как отрицательные свойства, так и положительные:

Мойта дъщеря, като беше в осми клас, тя една едричка такава, но всички други по-малки и слабички момичета беше им дошло мензиса, обаче на мойта не идва и аз направо се притесних. И един път тука мета вънка на двора и минава една циганка, и ми вика: «Седни, баба, седни да ти кажа нещо». Викам: «Не, не, аз не вярвам на такива работи». — «Седни бе, седни — и аз да си почина и ще ти кажа. Имаш дъщеря и си се много притеснила за нея, понеже е такава едра и не й идва менструацията. Аз ще ти кажа — вечер ще сложиши в една купа

вода — и ми даде нещо като муска, ей такава триъгълно — ще го сложиш във водата и ще оставиш паничката отвънка под звездите. С тая водичка ще измиеш коремчето на дъщеря ти и мускичката ще сложиш под възглавницата» («Моя дочь была в восьмом классе, она крупненькая такая, у всех остальных худеньких девочек начались месячные, а у моей нет, и я разволновалась. И я подметаю во двор, и проходит цыганка и мне говорит: „Сядь, скажу тебе кое-что“. Я ей: „Не, я не верю во все это“ — „Сядь, сядь — и я отдохну и скажу тебе. У тебя есть дочь и ты волнуешься за нее, она такая крупная, и к ней не приходит менструация. Я тебе скажу: налей воды в миску — и дает мне что-то типа амулета такое треугольное — положишь это в воду и оставишь снаружи под звездами. Этой водой вымоешь живот дочери и амулет положишь под подушку“»).

Так, вода, переночевавшая под звездами, приобретает особые целебные свойства. Это объясняется тем, что, по местным поверьям, звезды — лечебные (болг. *лековити*).

Взаимодействие человека с огнем заключается в разжигании костров по разным поводам, в окуривании жилища, а также в гашении углей (что соединяет в себе и огонь, и воду). Тематически с огнем связаны болезни, например оспа (*баба Шарка*). Про оспу говорят, что *пламвало е селото* (рус. букв. ‘загоралось село’). Обычно эпидемию представляют в образе старухи, но в Виево информанты отмечают, что это просто название болезни, что баба Шарка — не женщина: *Кой може да я види?! Никой не може да я види — само Господ, то си е Господе, то не е жена, то си е господева работа и го зоват Баба Шарка* («Кто может ее увидеть?! Никто не может ее увидеть — только Господь, это Господне [дело], это не женщина, это все божье, и называют „баба Шарка“»).

Но при описании колачей, которые традиционно пекут, когда дети начинают болеть, та же информантка говорит: *...наръсваше ги със захар, и ги даваше по дечинките, за да са махне ш'еркана, че ш'еркана е била галила благу* («Посыпали их сахаром и давали детям, чтобы ушла оспа, ведь оспа любит сладкое»). То есть антропоморфизация, пусть и несознательно, все равно присутствует: баба Шарка «ест» и любит сладкое.

Уже упоминалось, что Юрьев день является особенно почитаемым в Виево. Из практик, связанных с огнем, стоит отметить превентивное окуривание жилища в этот день: *...боклуци такива събирами, пример — сено малко в една лопатка такава за боклук и запалиме гу. И обикаляш къщата* («...мусор всякий собираем, например — немного сена в совочек для мусора и поджигаем. И обходим дом»).

Это делается для того, чтобы не кусали змеи и ящерицы. Помимо этого, для той же цели соблюдается запрет работать.

Наибольшее количество данных было собрано по стихии воды. Но и на достаточно асимметричном материале можно показать главное — человек из всего многообразия окружающих предметов выбирает совершенно определенные субстанции для своих целей — выздороветь, соблюсти традицию, чтобы не нарушить сформированный ей порядок, получить процветание для своего дома, пропитание, защитить дом от нежелательных существ (змеи и ящерицы) и многих других. По словам С.М. Толстой, «...если субъектом ритуальных действий может быть только человек, то их объектами могут быть самые разные сущности: <...> вещества и стихии (вода, огонь, песок, камень и т.д.)» (Толстая 2018: 236). Человек в коммуникации со стихиями выступает как субъект и как объект, что будет проиллюстрировано в докладе рядом соответствующих примеров.

ЛИТЕРАТУРА

- Вагабова 2011 — *Вагабова Н. К.* К проблеме этноконфессионального разнообразия мусульман Болгарии // Вестник Дагестанского научного центра. 2011. № 40. С. 36–40.
- Карамихова 2009 — *Карамихова М.* Ислам в Болгарии // Россия в глобальной политике. 2009. № 3. С. 150–160.
- Седакова 2001 — *Седакова И. А.* Культ Богородицы в славянских родинах // Родины, дети, повитухи в традиционной народной культуре. М., РГГУ. 2001. С. 151–163.
- Терзиева, Узенева 2014 — *Терзиева Д., Узенёва Е. С.* Этнолингвистические материалы из болгарских сел Виево и Кутела (область Смоляна, регион Средние Родопы) // Карпато-балканский диалектный ландшафт: язык и культура. 2014. Вып. 3. С. 307–347.
- Толстая 2018 — *Толстая С. М.* Человек в ритуале: субъект, объект, адресат, медиум // Образ человека в языке и культуре. М.: Индрик, 2018. С. 231–240.
- Трофимова 2012 — *Трофимова К. П.* К проблеме изучения религиозных традиций в мультикультурном сообществе // Проблемы философии культуры. М.: Институт философии РАН, 2012. С. 186–201.
- Трофимова 2014 — *Трофимова К. П.* Конструирование священных мест в мультикультурной среде: пример святилища «Зайде Башче» в Нише (Сербия) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2014. № 2. С. 204–230.
- Узенева 2013 — *Узенёва Е. С.* Болгары-мусульмане Средних Родоп в XXI веке: взгляд этнолингвиста // Славяноведение. 2013. № 6. С. 21–27.